

Даля Трускиновская

Сумочный

Домовые

Даля Трускиновская

Сумочный

«Автор»

Трускиновская Д. М.

Сумочный / Д. М. Трускиновская — «Автор», — (Домовые)

Они живут рядом с нами, при этом оставаясь незаметными. Они заботятся о нас и о нашем хозяйстве. Они – домовые! маленькие человечки с совсем не малыми проблемами...

© Трускиновская Д. М.

© Автор

Далия Трускиновская

Сумочный

рассказ

– Я, вот... По объявлению.

– Ах, по объявлению. Ну-ну...

– Ты здешний дед, что ли?

– Дедушка. А ты, стало быть, по объявлению. Ну, заходи...

Краткий этот разговор состоялся на антресолях прекрасной четырехкомнатной квартиры, как раз там, где, задвинутое чемоданами, имелось в стене отверстие для проводов от распределительного щита, а также телефонного и кабельного.

Надо сказать, что антресоли всякой обжитой квартиры немало поразили бы хозяев, ежели бы те вздумали однажды разобраться, какая такая старая рухлядь загромождает отверстие. И тут бы обнаружилось, что ненужное, казалось бы, имущество, преобразилось. Из запертого чемодана, к примеру, изъята старая декоративная наволочка, шерстяная, в фольклорном стиле, и сложена так, что стала диваном с подлокотниками. Маленькая банка с остатками краски, забытая пять лет назад после того еще ремонта, накрыта чистой бумажкой и сделалась столом. Равным образом брезентовая рукавица, от того самого ремонта, прилажена к отверстию на манер шторы, чтобы не сквозило, и стоит наготове другая банка с краской – загородиться, если вдруг пожалуют незваные гости.

Хозяин, домовый дедушка Феоктист Степаныч, впустил посетителя, но, так сказать, без излишнего энтузиазма.

А чему тут было радоваться? Тот, кто пришел по объявлению, меньше всего походил на сумочного хозяина. Был он худ, взъерошен, неопрятен, неухожен, и смотрел как-то угрюмо. Нехорошо смотрел.

– Молочка? – спросил Феоктист Степаныч. – Хозяйка добрая, наливает. Кошачий корм вот есть. Рюмочку тоже для меня на секции держит. Я вот в скляночку перелил. Винцо знатное, кагор.

Был он сам из себя упитан и мохнат, как полагается домовому дедушке в богатом хозяйстве, и предлагал с некоторым хвастовством – вот, мол, сколь сытно живем, можем подкормить.

– Сыт, – отрубил гость, хотя и по рожице было видно – ой, голоден...

Сел он не на хозяйский диван, а на корточки, прислонившись спиной к чемоданной стенке.

– Тебе виднее. В сумочные, стало быть?

– Ну...

– А ты уже работал сумочным?

– Ну... работал.

Феоктист Степаныч врунишек не любил. За вранье и выставить мог – единожды и навеки. Но этот растреп вроде бы как и не врал.

– Су-моч-ным! – весомо уточнил дедушка. – В дамской деловой сумке. Служил?

– В дамской – нет. А что? Такое уж сложное дело? Сколь там добра-то поместится, в той сумке? – вопрос был одновременно риторическим и презрительным. – Вся она – с гулькин нос!

– Добро-то, братец, этакое... С одними тенями для глаз намаешься, – предупредил Феоктист Степаныч. – Коробок раскрывается, а они – как мука, в ком сбита, рассыпаются, вся подкладка в пыли. Еще вот пилка для ногтей. Хозяйка ее, пилку, на место не кладет, прямо так бросает, и пилка подкладку рвет. Еще вот, скажем, блокнот – тут смотреть нужно, чтобы страницы не загибались.

– Смотреть могу, – согласился гость. – Так что – место еще не занято?

– Да ты уж третий приходишь, – сообщил дедушка. – Бабушка из пятой квартиры просилась, они там с дедом не ладили, разводиться собрались. Как в ту сумку посмотрела – ой, мамочки, говорит, тут же одной приборки не оберешься! И бумажек-то, бумажек! Начнешь выбрасывать – а вдруг дельную выбросишь? Потом еще портфельный хозяин заглядывал. У него такое горе – парнишка школу окончил, портфельчик уже без надобности, снесли на помойку. Тоже я ему сумку показал, а он чихать принялся. Аллергия у него на духи...

– А бабушка – не вернется? – решил уточнить гость.

– Не-е, не вернется. Ей там за дедом хорошо. Только телевизор смотреть не велит. А она уж пристрастилась. И сам посудит: там она – домовиха-госпожа, особа почтенная, а тут кто? Сумочная! То есть – у меня в подчинении.

– Ну так берешь, что ли?

– С испытательным сроком разве взять? – сам себя спросил дедушка. – Две недели. Идет?

– Идет.

– Тогда – располагайся. Прямо тебе скажу – кабы не припекло, не взял бы. Но она, хозяйка наша, уже из-за сумки в буйство впадать стала. Прямо голосом кричит – ничего, мол, кричит, сыскать невозможно! А сумка французская, помещений в ней шесть, больших и маленьких, и еще с другой стороны потайной карман, за ним тоже глаз за глаз нужен. Она там часто деньги носит – ну, сам понимаешь.

Феоктист Степаныч шумно вздохнул.

– Коли хозяйка буйнит – весь дом вверх дном, – пожаловался он. – Впору уходить, другого дома искать. А так она хозяйка добрая. Труженица! На дом денег не жалеет. Это у нас только хозяин неудачный выдался... Ну, сам сообразишь...

– Пьет, что ли? – догадался гость.

– Хуже. Ну, бездельник. Дармоед. Ты его в расчет не бери. Все по-хозяйкиному делать надо. Вот еще что! Ты кота гонять не моги! Кот у нас серьезный, персидский. Она мне его с понятием препоручила! Принесла котеночком, и так прямо, по старинке, и сказала: вот тебе, дедушка, на богатый двор мохнатый зверь, береги его, холь да лелей!

– С котом поладим, – хмуро сказал пришелец.

– Две недели тебе сроку, стало быть. А зовут как?

– Прохором.

– Располагайся, Проша. Документ имеется? Давай сюда – впишу, что взят в сумочные с испытательным сроком...

– Незачем, – отказался новоявленный сумочный. – Обойдется. Мне до пенсии еще далеко.

– Как знаешь...

* * *

Ночью, когда семья угомонилась, Феоктист Степаныч повел Прохора в должность вступать.

Сумка стояла в гостиной на кресле. Рядом спал большой рыжий кот.

– Вот твое место прохождения службы, – строго сообщил дедушка. – Ты запоминай! Вот этим она личико красит. Это все должно в косметичке лежать. Вот карточки – это визитки. Их в боковой кармашек складывай. Это важно! За жевательными резиночками особо смотри! Она пакетик откроет да не глядя в сумку бросит – а ты этим белым штучкам разбежаться не давай, бумажку зажми... Во! Вот это – самое неприятное. Ну да уж ты потрудишься.

– Что за дрянь такая? – удивился Прохор.

– Ну, жует она резиночку, а тут вдруг кто появился и жевать уж неприлично, а мусорной корзины рядышком нет. Так она скоренько – в сумку! К подкладке прилипнет – зубами не отдерешь! Или дельные бумажки между собой склеятся. Ты как увидишь – держи какую бумажку наготове и сразу в нее лови.

– Она плюет, выходит, а я – лови? – уточнил Прохор.

– А тебя, между прочим, сюда веником не гнали, – напомнил Феокист Степаныч. – Я знаю – внизу за батареей и другие объявления имеются. Вот сорок пятой квартире холодильный нужен.

– Дед, ты их холодильник видел? – Прохор до того возмутился, что прямо заорал. – Это, дед, целый город, и туда троих холодильных нужно, чтобы мало-мальский порядок держать! А они все норовят на одного навесить!

– Да, хозяин у них строгий, Поликарп Федотыч, – согласился дедушка. – Вроде меня – бездельников страсть не любит. Вот еще тридцатая квартира в холодный шкаф смотрителя зачем-то искала...

– Был.

– Ну и что же там за шкаф такой, что ему отдельный хозяин нужен? – заинтересовался Феокист Степаныч. – Я-то спрашивал – тамошний дедушка отмалчивается.

– От того шкафа он уже слезами плачет! – почему-то с весельем, чуть-чуть не со смехом поведал Прохор. – У них хозяйский сын железками балуется. У него в комнате на столе не помещаются, так он у родителей полку в шкафу выпросил. И вся эта железная дребедень по шкафу распространилась! Порядку – никакого!

– Да, железки – это опасно, – согласился Феокист Степаныч. – А ты чего это, Прохор, скалишься?

– Тамошний дед рассказывал – брожу, мол, по этим завалам, разгрести пытаюсь, вдруг за дверцей слышу: так-перетак, мамка сдохла! И дверцу – нараспашку! Он аж за сердце взялся, еле затаиться успел, сидит, охает, слезы утирает. Хозяйка-то у них добрая, душевная. Это что же за паршивец в семье вырос, плачется, матери лишился – и такие слова выговаривает! Как же теперь в дому без хозяйки-то? А парень полез в железки свои, вытянул одну и кому-то там, в комнате сидящему, так орет: что сдохла – это ерунда, мы ее сейчас спокойно в мусор выкинем, я вот тут другую отыскал, малость похуже, но сойдет! И уволок свою железку. И точно, сказал тогда тот дед из тридцатой, железки ему вместо мамы, бабки, теток, дядек и даже, прости Господи, баб. Так пусть и дальше живет, тьфу!

– Заклял, значит. А нехорошо домового дедушку зlobить... По его слову и выйдет. Ну, удачи тебе, Прохор! Обживайся. Вот дырочка за подкладку ведет – тесновато, ну да привыкнешь.

– Привыкну. Спасибо, дедушка.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.